

Монархист. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Монархист. Максим Горький

В восьмидесятых годах по улицам Нижнего Новгорода ходил, с ящиком на груди, остроглазый парень, взывая негромко, вопросительно и как-то особенно назойливо:

- Крестики нательные, поминаньца, шпилечки, булавки?

Часто встречая его, я заметил, что парень этот склонен к озорству: избрав какого-нибудь прохожего, он неотвязно шёл сзади его, заходил сбоку и навязчиво выпевал:

- Крестики нательные, поминаньца?

Прохожий сердито отмахивался, иногда - ругался, а торговец, обогнав его, шёл уже навстречу и, угодливо заглядывая в глаза раздражённого человека, снова предлагал ему крестики. Мне думалось, что этот парень ищет скандала, хочет, чтоб его толкнули, ударили, и почему-то я воображал, что торговля - дело не его души и что, наверное, он занимается ещё чем-то более интересным, а может быть, и более опасным.

И я был несколько разочарован, когда парень этот поставил "ларёк" в углублении церковной стены на бойкой Рождественской улице и стал торговать календарями и "листочками" Сытина, а через малое время ларёк его вырос в лавку, с вывеской над ней:

"Книжная торговля В.Бреева".

Затем явилась в Нижнем розовенькая книжонка "Житие старца Федора Кузьмича". На обложке книги этой красовался портрет очень высокого, лысого старика с огромной бородою, а под ногами его напечатано:

И з д а н и е В. И. Б р е е в а.

Я узнал, что книжка эта создавалась при таких условиях: в трактире "Грачи" какой-то странник рассказывал легенду о таинственном сибирском отшельнике, Бреев тотчас же предложил "босяку" Терентьеву, бывшему учителю, написать "за целковый" житие старца. Оказалось, что Терентьев кое-что уже слышал о Фёдоре Кузьмиче, и ему удалось сочинить довольно занятное "житие"; оно разошлось в десятках тысяч экземпляров по всей Волге и по Оке, и Бреев хорошо заработал на нём.

Когда вышли первые книжки моих рассказов, Бреев явился ко мне, скромно, но солидно одетый в мохнатенький синий пиджачок, с тяжёлыми серебряными часами в кармане жилета, с цепью "фальшивого золота" на груди и в новых скрипучих сапогах. От него сильно пахло ваксой, душистым мылом, он сиял улыбками и вдохновенно, негромко говорил:

- Позвольте изложить мечту сердца! Для прославления древнего нашего города и желая принести посильную пользу истории государства, затеял я издание сочинений небольшого размера о знаменитых земляках наших, как то: Козьме Минине, патриархе Никоне, Аввакуме-протопопе, о Кулибине, Милии Балакиреве, господине Боборыкине, о Добролюбове, конечно, а также о Мельникове-Печёрском и всех прочих талантах земли Нижегородской. Окажите делу этому литературную помощь...

Говорил он вполголоса, как бы "по секрету", гладко, надуманно и весь трепетал: двигал ногами, размахивал стареньким платочком, хватал меня за колени и вдруг, сунув руки в карманы, бряцал там чем-то, как медью лошадиной сбруи, потом отирал лицо ладонями, точно магометанин на молитве. Казалось, что он страдает кожной болезнью и всё тело его нестерпимо чешется.

Было в нём что-то мохнатенькое, смешное, но почти приятное, эдакая русская, на всё готовая бойкость. Его скуластое лицо украшалось на подбородке нерешительным клочком бесцветных волос, клочок этот конфузливо загибался к шее, как будто желая вращать в кадкы концами волос. Волосы усов торчали колко, точно усики ячменного колоса, так же щетинисто и напряжённо торчали они в бровях. Глядя на Бреева, я подумал:

"Вот таких и зовут "ежова голова".

Очень необычны были его глаза, – круглые, голые, зеленоватого цвета, они вдохновенно сияли, испуская щекочущие лучики или, вернее, пыль мелких искр. Казалось – вот сейчас они вспыхнут и на месте их останутся чёрные ямы.

Когда я отказал ему в "литературной помощи", он пронзительно высморкался, вздохнул и продолжал, не угашая вдохновения:

– Тогда – позвольте сделать другое предложение, более лёгкое для вас..

Встал и, точно стихи читая, проговорил в два удара:

– Интересность необыкновенной вашей жизни и новое её начало – чистые денежки! И ежели вы согласны написать вашу автоисторию за пятьдесят рубликов, то я – вот он! – издатель вам!

Написать "автоисторию" я тоже отказался, но это не помешало Брееву издать составленную кем-то глупую книжонку, нечто вроде моей биографии. Издателю пригрозили судом, если он не уничтожит эту книжку.

– Поверьте сердцу земляка, – оправдывался Бреев, смешно подпрыгивая, не из жадности к деньгам – что есть деньги? – а только из патриотического взрыва чувств решился я обойти вашу скромность.

В 905 году мне сообщили, что В.И.Бреев избран председателем нижегородского отдела "Союза русского народа" и весьма энергично борется с крамолой, укрепляя самодержавие.

Затем, кажется, в 910 году, Бреев прислал мне на остров Капри письмо, в котором, воспевая доброту и великодушие царя Николая, убеждал меня покаяться во грехах и просить разрешения вернуться в Россию. Письмо было написано очень забавно и не рассердило меня. Я даже ответил Брееву, что эмигрантом себя не считаю, могу вернуться в Россию когда захочу, не испрашивая никаких разрешений, и прибавил к этому характеристику самодержавия; ответ мой был кем-то напечатан в "Манчестер гардиэн" под заголовком "Письмо к монархисту".

В 14 году, возвратясь в Россию, я узнал, что Бреев куда-то уехал из Нижнего, а в 17-ом, суетливым днём мая, меня вызвали к телефону, и я услышал взволнованный голос:

– У телефона – Бреев, Василий Иванович Бреев – помните? Мечтатель нижегородский?

Через час он вертелся на стуле предо мной, брызгая во все стороны быстрыми словами, такой же мохнатенький и забавный, каким был двадцать лет тому назад. Только ежовые волосики его стали мягче, потеряли свою колючесть, он подстриг сконфуженно изогнутую бородку и растрёпанные усы, лишь брови его, как раньше, напоминали мне плавники молодого ерша. И так же, как раньше, молодо, бойко сияли зеленоватые глаза, сея пыль остреньких искр. Он был одет в какую-то толстую материю дымного цвета, в галстук его сверкал бриллиант, на пальце левой руки – крупный рубин в золотом перстне, а в общем это был всё тот же возбуждённый человек, точно страдающий чесоткой.

Размахивая руками, он совал их в карманы брюк, пиджака, жилета, вытаскивал оттуда кусочки различных руд и приговаривал, катая их по столу:

– Золотоносный кварц! Вольфрам-с! Литографский камень редчайшего свойства! Неизвестный металл, никто не может сказать – какой именно! Всё моё! Сделаны заявки. Приехал к вам как земляку, – помогите реализовать, так как вы в добром знакомстве с новыми правителями судеб наших!

Мой отказ помочь ему в этом деле нимало не охладил его, он только немножко удивился, заметив:

– Четвёртый раз отказываете вы мне...

– Но я же ничего не понимаю в этом деле!

Он пожал плечами:

– А что ж понимать в золоте? Его – просто – добывать надо, чтобы жизнь наша озолотилась...

Прижмурил глаза и, качая головой, продолжал лирически:

– Если б вы знали, до чего неестественно богата Сибирь? Это даже не земля, а – вымя симментальской коровы – с, ей-богу! Пожалуйте доить! А доить некому. Не умеем. Одни там искусные доильцы – это англичане на Лене...

Я спросил: давно ли он живёт в Сибири?

– Три года, три. Как только началась бессмысленная эта война, так я туда. Сердечно желаю рассказать вам необыкновенную карьеру моей жизни, будучи уверен, что вам, нижегородцу, приятно послушать историю преуспевания земляка. Кому же знать удивительную жизнь русского человека, как не вам? Ведь вы, кроме того, что земляк, вы, так сказать, законный регистратор полётов русской души и самую судьбой вашей назначены к построению словесных монументов нам, людям древнего города, которому вся Россия обязана была, триста лет тому назад, спасением от преждевременной гибели...

Уходя, он спросил:

– Слышал – и вы тоже приглашаетесь в министры? Нет? Весьма жаль! Нам, нижегородцам, лестно было бы видеть министром своего человека.

Испытующе посмотрев на меня, он добавил:

– Хотя бы – по просвещению?

На другой день, вечером, Бреев, сидя у меня, взволнованный, потный, ошетинясь белобрсым волосом, двигая руками так, точно он тесто месил, рассказывал:

– Перелом жизни моей начался в обиднейшие годы японской войны. До той поры жил я единственно любовью к нашему красавцу городу, политика мне даже и не снилась, видел я другие сны, даже наяву видел их. Мечтал: разработаюсь, разбогатею и выстрою в Нижнем Новгороде красивейший дом на удивление не только своих людей, но даже иностранцев. Чтобы из Парижа и Лондона приезжали смотреть дом Бреева! Чтобы напечатали в газетах: даже в провинциальных городах России строятся такие дома, каких у нас – нет!

Снизу, с улицы, поднимался тяжёлый гул, ревели гудки автомобилей, неистощимым, серым потоком шли бородатые солдаты, тяжкий топот сотрясал землю, доносились чьи-то крики – раскачивалось и рушилось российское государство.

– Я – не дурак, размер сил своих знаю. Но ежели я, Васютка Бреев, блоха земли русской, могу так отчаянно чувствовать обиду этого позора, чтобы какой-то неизвестный народ бил великую мою державу, мать гениальных людей, – ежели моему малому сердцу обида эта так нестерпимо горька, каково же, думаю, другим – то русским, покрупнее, поумнее меня? С этого и началось озлобление моё против всей интеллигенции, людей образованных, так как в них я нашёл только непонятное мне равнодушие сердца и ума к судьбам России. А озлобление – исток всякой политики, то есть я так понимаю политику: она есть озлобление.

– Соображаю: как же это? Что народ наш, армии наши бьют и вам того не жалко – это я могу понять: народ никому не жалко, он даже и сам себя жалеть не умеет, я народ знаю! Вы меня извините, но я считаю так, что вообще никакого народа нет, не существует народ до поры, пока не соберёшь людей в кучу да не крикнешь на них, не испугаешь их, не прикажешь им. Народа, у которого был бы один интерес, – нету! Народ – это песок, глина! И, чтоб он годился для построения государства, его надобно очень много мять и на огне обжигать.

– Так – народа не жалко вам? Хорошо, согласен. А – мечту тоже не жалко? Человек живёт мечтой, и больше ему нечем жить. Каждый из нас имеет настойчивое устремление к самому прекрасному, это и есть то самое электричество, которое двигает людьми. Есть мечта о великолепном государстве, лучше которого нигде нет.

Монархист. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

У всех людей есть мечта, кроме, конечно, евреев, которые, потеряв землю под собою, могут мечтать только своеобразно. Еврею мечта об украшении всеобщей жизни так же недоступна, как цыгану и всякому другому кочующему человеку. Я знаю, что вы с этим не согласны, у вас преданность евреям, не понятная никому, - извините, но я думаю, это искривление души, вроде болезни. Это я заглянул в сторону.

- Итак - 905 год. Шум на весь мир, все делают революцию, даже и такие, которые не умеют пришить пуговицу к собственным штанам. Все бегает по улицам женихами, но у некоторых, даже у многих - на душе похороны. И загорается мечта: триста лет тому назад город Нижний Новгород спас Россию от разрушения - не пора ли ему вспомнить подвиг свой? Что такое революция? Был у меня приказчик Леонидка, неглупый парень, он тоже записался в революционеры, орёт ежедневно на всех улицах. Спрашиваю: "Ну, хорошо, Леонид, сделаешь ты революцию, а потом что будешь делать?" - "Я, говорит, как только всё кончится и войдёт в новое русло - грибами займусь, грибы разводить и мариновать буду, я, говорит, такой способ знаю, что у меня каждый гриб сорок процентов урожая даст!" - "Дурак ты, говорю, разве можно грибов ради строй государства разрушать?" И так везде: кого ни спросишь о намерении революций, у всех оказывается в итоге что-нибудь мизерное, вроде грибов.

- Ну, мы, "чёрная сотня", оказали вашему, извините, безумию достойное сопротивление и даже кое-кого побили. Признаю, что некоторых - напрасно, как, например, знакомого вашего, аптекаря Гейнце. Что делать? В драке волос не жалеют. В праведниках убыль - чертям любо.

- Одержав победу над смутой, мы, конечно, весьма возликовали и принялись за дело укрепления жизни. Подходили сроки значительные - 912, 13, столетие и трёхсотлетие величайших событий. Я стал готовиться...

- Откровенно скажу вам, - затем ведь и сошлись, чтоб говорить без запятых, - открыто скажу: смелостью письма вашего в ответ на моё я был даже восхищён: вот как нижегородцы пишут! Но согласиться с мыслями вашими - не мог, не могу и теперь, когда видимое основание империи рушилось и царь в плену своих подданных. Подумать жутко, до чего легко свёл нас с ума несчастный этот союз с французами, - вот и мы низвергли трон!

- Да, так согласиться с вами - не могу я. Я - народ знаю. Ему совершенно наплевать, кто там, на троне, сидит, пускай хоть татарин или киргиз, лишь бы сидел и было бы за что уцепиться мечте. Народ живёт мечтой, народу нужно иметь огромное воображение, чтобы помириться со своей жизнью, а жизнь эта дана ему на веки веков...

Я прервал речь Бреева, указав, что вот мы снова живём во дни революции, - он вскочил на ноги, лицо его побурело от возбуждения, он заговорил приглушённым голосом:

- Революция? Свобода? Полноте! Завтра же выскочит кто-нибудь, крикнет: "Цыц! Я вам покажу, как надо жить!" И - пойдут, и поведёт, и дойдут снова до своей каторжной точки. Поверьте мне, уважаемый земляк: истинно народная свобода - это только свобода воображения. Жизнь для него не благо и никогда не будет благом, но всегда - ныне и присно - ожидание блага. Для народа нужен герой, праведник, генерал Скобелев, Фёдор Кузьмич, Иван Грозный, всё едино - кто! И чем дальше, смутнее, недоступнее герой, тем больше свободы воображения и легче жить. Надо, чтобы кто-то жил-был! Сказка нужна. Не бог в небесах, а вот на тёмной земле нашей был бы кто-то великого разума и чудовищных сил. Чтобы он всё мог. Захочет - и все счастливы, - вот какого надо вообразить!

- Так что доказывать народу, будто Романовы - немцы, бесполезное дело. Хоть - мордва, я вам говорю, я же знаю народ! Ему нужно не многовластие, не аглицкий парламент, он механику, машину не любит, он тайну любит. Нужна ему власть великой единицы, хотя бы эта единица была круглым нулём, он сам наполнит нуль силой воображения своего - да, да!

- Договорю о письме вашем: я всё-таки снял с него пяточек копий и кое-кому землякам сунул, а подлинник губернатору Хвостову отнёс: "Вот, говорю, извольте видеть, что Горький пишет!" Зачем я сделал это? Надо же было познакомить нижегородцев с мыслями вашими, хотя мысли и вредные. Я ведь не на шутку патриот

Монархист. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

и хоть вы отбились от своей стаи, а всё-таки нашего леса ягода. А губернатору передал письмо, чтобы отвести от себя вину в распространении копий.

- Очень хотелось мне возратить вас в землю отечества ко дням торжественного празднования великих сроков нашей грозной державы - к 12-му, 13-му годам!

Бреев зажал уши ладонями и, раскачивая голову, мигая острыми глазами, пробормотал:

- Сбивает мысли мои этот счёт назад: 13-12, а потом - 14, неправильна эта передвижка цифр! Ежели бы избрание Романовых состоялось в 11 году, а разгром двенадцати язык - как он был - в 12-ом, так 14-го-то, может, и не было бы...

Выпустив голову из рук, он вздохнул и снова понёсся:

- Мы, верующие в закон единовластия, собирались праздновать преодоление смуты и победу над Европой всемирно и громогласно с потрясающим великолепием и эдак бы с намёком: вот, мол, смотрите - Отечественная война против всей Европы, взятие Парижа, а - почему? Потому что триста лет назад Русь взята была счастливыми руками Романовых! Понимаете? Планчик этот родился в моей голове, и я даже отяжелел от разных соображений, как беременная женщина. Надо было так устроить, чтоб сияние празднеств затмило в памяти народа и горестную неудачу японской войны, и постыдные безумства, начатые Мазепой этим, Гапошкой-попом, и вообще все зловещие случаи прошлого, надо было показать солнечные дни истории нашей во всём их ослепительном великолепии.

Он подскочил в кресле, точно уколотый, и, упираясь ладонями в ручки его, наклонился вперёд. Зелёная влага явилась на его глазах, потное, красное лицо побурело и расширилось, на скулах вздулись желваки и ноздри раздулись. Он шевелил кадыком, как будто хотел проглотить что-то и - не мог. С минуту он не мог овладеть волнением своим, потом стёр слёзы со щёк круглым жестом руки, криво усмехнулся и продолжал, всё так же горячо, вполголоса, почти шёпотом:

- Вдруг мне говорят: "Василий Иванович, наш дружеский союз с Францией не позволяет шуметь по случаю Отечественной войны, а то союзники обидятся". Да-с, так и сказали! Возражаю: "Позвольте! Ежели моё умное лицо компаньону не нравится, так я должен дурацкую маску надеть?" Так мы, говорю, глупую маску эту давно уже носим, и весьма правы те, кто смеётся, указывая, что когда самодержавный монарх танцует с республикой, так, пожалуй, у монарха у первого голова закружится. Да уж и закружилась: вот - у нас парламентик шумит, и господин Милюков в президенты насыкается.

- Вы, конечно, знаете, что франко-русский альянс этот понимался "Союзом русского народа" как несчастная ошибка, как дружба ястреба с медведем: один - в небесах, другой - в лесах, и оба друг другу ни на что не нужны. Мы справедливо думали, что для нас была бы полезнее дружба с немцами, дружба каменная, железная, величайшей несокрушимости дружба!

- Одним словом: празднование поучительной Отечественной войны не удалось, поиграли кое-где, на площадях, "12-й год", музыку Чайковского, и на том - уснули.

- Тем более ожесточённо начал я готовиться к юбилейному торжеству трёхсотлетия Романовых - царей. Позвал учеников Академии художеств: "Пиши, ребята, картины из жизни Нижнего Новгорода в 613 году, расписывай гробницу Минина, действуй во всю силу души!" Ну, они действительно постарались, превосходные картины были написаны ими; я потом открытые письма напечатал с этих картин и расторгнулся ими в десятках тысяч. Нанял баржу, устроил на ней выставку картин и повёз её вверх по Волге: гляди, народ, на какие дела был ты способен! Народ шёл тысячами. Смотрит, мычит... Эх, народ, народ... Чугунное племя.

Закинув руки, скрестив пальцы на затылке, Бреев поднял лицо к потолку и, закрыв глаза, долго молчал.

- Большие это были дни в жизни моей, высоко чувствовал я себя. Всё парадно, празднично, по всем городам волжским звон колокольный, музыка, и как будто вся неприглядная жизнь наша вдруг стала императорской оперой. Высокие дни...

Монархист. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Он взял со стола чайную ложку, внимательно осмотрел её и не торопясь, задумчиво согнул ложку вокруг пальца кольцом. Положил её на стол, вздохнул, облизал губы.

- Жил я тогда в опьянении всех чувств, и тут постиг меня оглушительный удар. Представили меня царю Николаю, он весьма обласкал и даже вот перстень подарил, с рубином. Н-но, известный содержатель цирков Аким Никитин тоже царским перстнем хвастался мне...

- С царём у меня было, примерно, так: верили бы вы в некоего недоступного для вас человека, думали бы вы, что в человеке этом соединены все допустимые достоинства, вся сила, мудрость и святость России, он - как бы духовный стержень, пронизающий сквозь всё, ось народной жизни. И вдруг, волею безответной судьбы, поставлены вы глаз в глаз с этим человеком, и вдруг со скорбью, со страхом видите, что это - не то! Не то, чем жили вы, не ваша мечта. И блеск вокруг его, и великолепие внешности, а всё - фольга! Так и я увидел пред собою не царя воображения моего, не владыку мечты и даже не большого человека, а - так себе человечка - на обыкновенных ногах. И даже как будто не умнее Василия Бреева, который, от юности своя, сам себе вожатый. А тут - обыкновенное лицо. Ну - ласковый, ну - приветлив, и всё.

Бреев встал, ошетинился, взмахнул рукою и выговорил с тихой, жуткой яростью:

- Р-русский царь должен быть страшен, жесток! Даже - видом страшен, не токмо характером. Или - сказочный красавец, или такой же сказочный урод, а - русский царь должен быть страшен и жесток...

Растирая горло, он подошёл к окну, громко отхаркнул и плюнул на улицу, в неугомонный шум её, а потом глухо спросил:

- Портрет царя Ивана Грозного работы художника Васнецова - видели? То-то-с! Вот - царь для русского народа. Помните - глазок у него, косит чуть-чуть? Это - царский глаз. Всевидящее око. Такой царь всё видит и никому не верит. Сам! Самость у него в каждом пальце.

Пред ним тотчас как-то вытянешься и всего себя пощупаешь - всё ли на тебе застёгнуто? Царь царства, владыка владычества...

Бреев снова сел, облокотился о стол и продолжал более спокойно:

- Дальше рассказывать почти уже скучно. Оказался я сбитым с коня. Жил - как все, шапку носил - как все, а однажды открыл глаза: головы-то у меня и нету!

- А тут грянул четырнадцатый год, разразилась эта проклятая война. Ну, думаю, наступил конец России и надобно убираться куда-нибудь в щель поглубже, до конца дней. Решил ехать в Сибирь, откуда, через старца Фёдора Кузьмича, началось моё благополучие. Мы тогда, многие, думали, что немцы затолкают нас за Урал. Мы народ - знаем! Терпеть он способен, а сопротивляться - нет. Кроме того, поманило меня в Сибирь и ещё одно обстоятельство: попала на глаза мои одна девушка, сибирячка, училась она в Казани, где у меня дом, книжная лавка, семья. Известно, что любовь годов не считает. Полюбили мы с ней друг друга, хотя мне за пятьдесят, а ей двадцать. Я и говорю своим - жене, детям: "Работал я на вас всю жизнь, а теперь - довольно! Хочу сам жить. Беру пятьдесят тысяч, а всё остальное и здесь и в Нижнем - ваше! Живите. Прощайте!" И - уехал.

- В Сибири, случайно, наткнулся на человека, знакомого с богатством земли, и - вот, занялся рудным делом. Надобно чего-нибудь строить, не привык я попирать землю праздными ногами. Мечту мою - потерял. Русь вижу в брожении и безумстве, извините! Народа своего - не узнаю. Конечно - не верю, что он долго будет колобродить и семечки лущить... Прижмут его к земле.

Бреев говорил нехотя и, видимо, не о том, что думал. Зеленоватые глазки его шурились, мерцали, снова я видел мелкие, острые искорки в потемневших зрачках. Он открывал рот, точно рыба, и быстро облизывал языком сухие тёмные губы. Вдруг, точно поперхнувшись каким-то словом, он взмахнул рукою, пресёк свою речь, встал и схватился руками за спинку кресла. Было ясно, что у него неожиданно возникла какая-то жгуче волнующая мысль.

Он прищурил глаза, острые волосы бровей его знакомо ошетинились и дрожали. Сухо

Монархист. Максим Горький gorkiymaxim.ru
покашливая, он снова заговорил почти шёпотом:

- Человек живёт мечтой, говорю я. Большое, говорю, надо иметь воображение, чтобы принять жизнь за благо, без всякой злобы, без противоречия, а так, просто, как материал для обработки разумом. Человек же и народ без мечты - слепорождённый... И - поэтому...

Он закашлялся, потёр себе рукою грудь, глаза его всё разгорались.

- Этим наклоном человеческой души надо уметь пользоваться. Умейте разжечь пред людьми какую-нибудь понятную им красоту, и - они за вами пешком по морю пойдут! И всё простят, забудут все грехи и ошибки. А потому...

Схватив обеими руками мою руку, он крепко сжал её.

- Ведь вы - тоже человек мечты! И вот сейчас пред вами к-какая благородная задача! Талант ваш в один час может исправить всё...

Он точно бредил, дрожал весь и казался обезумевшим. Меня не очень удивило, когда он, дёргая мою руку, зашептал в ухо мне:

- Спросите - как? Очень просто. В народе ходит сказание: неизвестный старец Фёдор Кузьмич - это Александр Благословенный, Григорий Распутин сын русского царя от простой крестьянки, а цесаревич Алексей - сын Распутина, внук Александра Благословенного, цесаревич народной крови! Понимаете? Искупление! Все грехи прошлого, все ошибки омыты истинно русской, чисто народной кровью. Царь мужицких кровей, а?

- Ну, - пусть не так всё это, пусть не так, но - поверьте же! - здесь правды не нужно, тут мечта нужна, на голой правде государства не построишь, нет такого государства! И вот, ежели бы вы талантом вашим послужили великому делу воскресения мечты, истинно государственной, подлинно русской...

Он поднял руки, точно возносясь, и с безумной - или детской? - улыбкой воскликнул хрипло, захлёбываясь словами:

- И - подумайте! - а мне-то, Брееву-то, Васютке, Василью-то Иванычу какво бы это? Начал я жизнь силою таинственного старца Феодора, - а Феодор-то ведь Филарет! - отец Михаила Романова! - и кончил бы я жизнь мою, вознеся имя его на высоту высот, а? Сказка? А?

Внизу, на улице, оглушительно шумел русский народ, разрушая, ломая тысячелетием созданную железную клетку государства...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!